

И взгляд, и величие...

Эта публикация знакомит с пьесой, написанной и поставленной в Московском театре русской драмы «Камерная сцена» к 200-летию А.С. Пушкина. Она построена по принципу монтажа исторических документов и позволяет понять, как развивалась личность поэта и в чём состоит реальный исход его земного бытия.

Михаил Щепенко,
художественный руководитель
театра «Камерная сцена»

Я трепещу и проклиная...

ВОСПОМИНАНИЕ

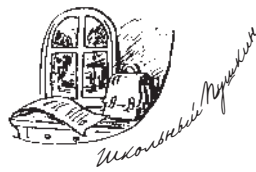
Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда, —
В то время для меня влечется в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жаждуясь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

А.С. Пушкин

«Как устранить два противоположных воззрения на Пушкина, существующих доныне в большинстве нашего общества, из которых одно представляет его прототипом демонической натуры, не признававшей ничего святого на земле, кроме своих личных и авторских интересов, а другое, наоборот, переносит на него самого всю нежность, свежесть и задушевность его лирических произведений, считая человека и поэта за одно и то же духовное лицо...»

П.В. Анненков

А Пушкин — наше всё

«А Пушкин — наше всё: Пушкин — представитель всего нашего русского душевного, особенного, такого, что остаётся нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами».

А.А. Григорьев

«Пушкин был человек больше чем лёгких нравов. Умер он на дуэли, т.е. при покушении на убийство другого человека. Вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные».

Л.Н. Толстой

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Н.В. Гоголь

«Восторг и растерянность порождает во мне эта неистребимая жажда людей видеть гармонию, которой нет и в помине, вдыхать благостность, которой и не пахнет. Александр Сергеевич на деле испытывал не восторг, а отвращение к Божьим тварям человеческого облика, сколь часто он не радел и не воодушевлял, а высмеивал и проклинал каждого: от женщины до монаха, от царя до журналиста. И при том сам мучался ужасно. Да и как может быть иначе у человека ни в чём не стойкого, до всего охочего?»

А. Мадорский

В защиту Пушкина

«Публично выставить нехристианином человека и даже противником Христа, основываясь на некоторых несовершенствах его души и на том, что он увлекался светом так же, как и всяк из нас им увлекался, — разве это христианское дело? Да и кто же из нас тогда христианин? Христианин, перед тем чтобы обвинить кого-либо в таком преступлении, каково есть непризнание Бога, задумается, потому что дело это страшное. Христианин, наместо того чтобы говорить о тех местах в Пушкине, которых смысл ещё тёмнее, станет говорить о том, что ясно, что было им произведено в лета разумного мужества, а не увлекающейся юности».

Н.В. Гоголь

«Ни одна европейская культура в новое время не претерпела такой катастрофы, такого крутого, мгновенного, жёсткого тотального слома, какой претерпела русская культура в эпоху Петра. По существу, реформы Петра были попыткой переделать нацию, «перестроить» национальное сознание в протестантском духе. Но Россия не поддалась. В ответ на эту попытку она породила явление Пушкина — самое, думаю, удивительное, самое совершенное и самое загадочное явление европейской культуры, которое, смею сказать, во всей мировой культуре стоит особняком; которое дало начало той великой русской классике, той «святой», по выражению Томаса Манна, литературе, которая тоже есть явление совершенно особое в мире».

В.С. Непомящий

Пусть Пушкин радует за всех

«Пушкинская поэзия идёт на потребу миру — такому, каков он есть, и состоит в пожелании ему долгих лет, доброго здоровья, боевых успехов и личного счастья. Пусть солдат воюет, царь царствует, женщина любит, монах постится, а Пушкин, пусть Пушкин на всё это смотрит, обо всём этом пишет, радея за всех и воодушевляя каждого».

Абрам Терц

«Пушкин не только есть великий писатель; нет, он имеет и свою религиозную судьбу, как Гоголь; или Толстой, или Достоевский, и, может быть, даже более значительную и, во всяком случае, более таинственную».

С.И. Булгаков

Пророческая сила поэта

«И мы не только не придаём значения пересудам некоторых современников его о нём, о его страстных проявлениях, о его кипении и порывах; но ещё с любовью собираем и бережно храним пылинки того праха, который вился солнечным столбом за вихрем пушкинского гения. Ибо мы хорошо знаем, что всякое движение на земле поднимает «пыль»; что ничто великое на земле невозможно вне страсти; что свят и совершенен только один Господь; и что одна из величайших радостей в жизни состоит в том, чтобы найти отпечаток гения в земном прахе и чтобы увидеть, узнать в пламени человеческой страсти — очищающий её огонь божественного вдохновения.

Мы говорим не о церковной «святости» нашего великого поэта, а о его пророческой силе и о божественной окрылённости его творчества».

И.А. Ильин

О свободе личности и о себе

«Молодость — это горячка, безумие, напасть. Её побуждения обычно бывают благородны, в нравственном смысле даже возвышенны, но чаще всего ведут к великой глупости, а то и к большой вине. Я считался либералом, революционером, конспиратором, — словом, одним из самых упорных врагов монархизма и в особенности самодержавия. Таков я и был в действительности. Философия XVIII века, ставившая себе единственной целью свободу человеческой личности и к этой цели стремившаяся всею силою отрицания прежних социальных и политических законов, всею силою издевательства над тем, что одобрялось из века в век и почиталось из поколения в поколение, — эта философия энциклопедистов, принёсшая миру так много хорошего, но несравненно больше дурного, немало повредила и мне. Крайние теории абсолютной свободы, не признающей над собою ничего ни на земле, ни на небе; индивидуализм, не считавшийся с устоями, традициями, обычаями, с семьёй, народом и государством; отрицание всякой веры в загробную жизнь души, всяких религиозных обрядов и догматов, — всё это наполнило мою голову каким-то сияющим и соблазнительным хаосом снов, миражей, идеалов.

Мне казалось, что подчинение закону есть унижение, всякая власть — насилие, каждый монарх — угнетатель, тиран своей страны, и что не только можно, но и похвально покушаться на него словом и делом. Я не помнил себя от радости, когда мне запретили въезд в обе столицы и окружили меня строгим полицейским надзором. Я воображал, что вырос до размеров великого человека и напугал правительство. Что я писал тогда?»

А.С. Пушкин

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

А.С. Пушкин

Везде неправедная власть...

Царскосельский лицей подготавливал лицейстов не столько к государственной службе, сколько к вступлению в тайные противоправительственные общества.

«Молодой вертопрах должен при сем порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском знать все дерзкие и возмутительные стихи и места из революционных сочинений. Сверх того, он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах, казаться неверующим христианским догматам...»

Автор записки «Нечто о Царскосельском лицее и духе его»

Нет такой крайности, как нет и такого совершенства

«Исполненный горестей в продолжение своего детства, молодой Пушкин покинул родительский дом, не испытывая сожаления. Его сердце, лишённое всякой сыновней привязанности, могло чувствовать одно лишь страстное стремление к независимости. Этот ученик Лицея уже в раннем возрасте проявил гениальность необыкновенную. Успехи его в Лицее были быстры, его ум возбуждал удивление, но его характер, по-видимому, ускользнул от внимания наставников... Нет такой крайности, в какую бы не впадал этот несчастный молодой человек, как нет и такого совершенства, которого он не мог бы достигнуть превосходством своих дарований... Несколько стихотворений, а в особенности ода на свободу, обратили на г. Пушкина внимание Правительства: наряду с величайшими красотами замысла и исполнения, это последнее стихотворение обнаруживает опасные начала, почерпнутые в современной школе или, лучше сказать, в той анархической системе, которую люди неблагонамеренные называют системой прав человека, свободы и независимости народов. Тем не менее господ Карамзин и Жуковский, узнав об опасности, угрожавшей молодому поэту, поспешили преподать ему свои советы, побудили его сознаться в своих заблуждениях и взяли с него торжественное обещание навсегда от них отказаться. Его судьба будет зависеть от Ваших добрых советов. Благоволите же преподать ему таковые. Благоволите просветить его неопытность, внушая ему, что достоинства ума без достоинств сердца являются почти всегда гибельным преимуществом и что весьма многие примеры показывают, что люди, одарённые прекрасным гением, но не искавшие в религии и нравственности охраны против опасных уклонений, были причиной несчастий как для себя самих, так и для своих сограждан».

Письмо главному попечителю колонистов Южного края, генералу Инзову, подписанное графом К.В. Нессельроде и утверждённое Императором Александром Павловичем

*Но потерял я только время,
благие мысли и труды...□*

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной

В порабощённые бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

А. С. Пушкин

Образ его мысли всем хорошо был известен...

Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра, около Орлова, Чернышёва, Киселёва и других: они с покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты... Невольно являлся вопрос: почему же помимо меня никто из близко знакомых ему, старших наших членов (тайного общества), не думал об нём? Значит, их останавливало почти то же, что меня путало; образ его мыслей всем хорошо был известен, но не было полного к нему доверия. Мысль о принятии Пушкина исчезла из моей головы. Я страдал за него, и подчас мне опять казалось, что, может быть, тайное общество сокровенным своим клеймом поможет ему повнимательнее и построже взглянуть на самого себя, сделать некоторые изменения в ненормальном своём быту. Я знал, что он иногда скорбел о своих промахах, обличал их в близких наших откровенных беседах, но, видно, не пришла ещё пора кипучей его природе утомониться. Как ни вертел я всё это в уме и сердце, кончил тем, что сознал себя не вправе действовать по личному шаткому воззрению».

И. С. Пущин

Я уже видел друзей мою облагороженную...

Будущий декабрист. Скажите, Пушкин, если бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы?

Пушкин. Напротив, наверно бы присоединился.

Будущий декабрист. В таком случае давайте руку. (*Пушкин протягивает руку.*)

Будущий декабрист (рассмеявшись). Разумеется, всё это только одна шутка.

Пушкин. Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженную и высокую цель перед собой, и всё это была только злая шутка.

Из диалога с будущим декабристом

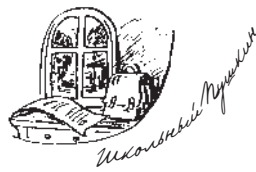
Я не стоил этой чести

«В 27-м году я отправлялась в Сибирь к моему мужу Никите. Пушкин пришёл проститься. Он сказал мне: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в своё общество: я не стоил этой чести».

Из воспоминаний А. Г. Муравьёвой

«Мой нрав — неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вместе с тем, слабый».

А. С. Пушкин

Тебе придётся иметь дело с людьми...

Из поучений А.С. Пушкина младшему брату Льву: «Тебе придётся иметь дело с людьми, которых ты ещё не знаешь. С самого начала думай о них всё самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибёшься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, ещё молодо <...> Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит, особенно же остерегайся допускать её в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем. Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать; люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе. Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости жесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею. Никогда не забывай умышленной обиды. Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта».

А.С. Пушкин

Тогда какой-то злобный гений Стал тайно навещать меня...

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою,
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

А.С. Пушкин

Сцена из спектакля

Талант прекрасный; жаль, что нет мира в душе

«Талант действительно прекрасный; жаль, что нет мира в душе, а в голове благоразумия. Ежели не исправится, — будет бесом ещё до отбытия своего в ад».

Н.М. Карамзин

Как здоровье и талант его выдержали...

«В лице он превосходил всех чувственностью, а после, в свете, предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий. Должно дивиться, как и здоровье, и талант его выдержали такой образ жизни, с которым естественно сопрягались и частые гнусные болезни, низводившие его на край могилы... Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкин представлял тип самого грязного разврата».

Лицейский товарищ поэта барон М. Корф

Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

А.С. Пушкин

Из южной ссылки: «Обедаем славно — я пью, как Лот содомский. Недавно выдался наш молодой денёк — я был президентом попойки — все перешлись и потом поехали по блудницам».

А.С. Пушкин

С толпою чувства разделяю...

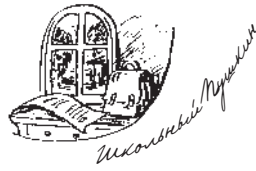
И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяю,
Я музу резвую привёл
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров;
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодёжь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

А.С. Пушкин

«Пушкин! Я страстно желаю, чтобы ты сделал некоторые изменения в ненормальном своём быту».

И.С. Пущин

Он тратил жизнь

«Ты тратил жизнь с оскорбительно для нас расточительностью, тратил и физически, и нравственно. Пора уняться! Твоя судьба должна быть достойна твоего гения и тех, которые, как я, знают ему цену, его любят и потому тебя не оправдывают».

В.А. Жуковский

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу моему наносит хладный свет
Неотразимые обиды.
И нет отрады мне.

А.С. Пушкин

"Всечеловек" и двойственный человек

«Был ли он совсем неверующий? Нет. Достоевский изрёк, что был он «всечеловек». Мы же скажем пока, что был он двойственный человек, плотский; душевный и духовный. Служил он больше плоти, но не мог заглушить в себе и своего богато одарённого духа. Глубоко постигал он и неверие, и веру, и не только постигал, но и чувствовал, вмещая в себя и то и другое».

И.А. Ильин

Напрасный сердца крик!

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье:
Имеет он права на ваше снисхождение.
Взгляните — бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слёзы льёт, то слёзы сожаленья.
Напрасно ищет он унынью развлеченья;
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вкрут себя печальный взор он водит:
Ум ищет Божества, а сердце не находит. <...>
Он Бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святые предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливыцы! — мыслит он, — почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,

Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред Богом!
Напрасный сердца крик! Нет, нет! Не суждено
Ему блаженство знать! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Влечёт несчастного до холодных врат могилы.

А. С. Пушкин

Ты... обязан иметь нравственное достоинство

«Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богат, и ты более, нежели кто-нибудь, можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рождён быть великим поэтом; будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, всё твоё возможное счастье и всё вознаграждение. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастные, шелуха. Ты скажешь, что я проведу с спокойного берега утопающему. Нет! Я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывёт, если захочет сам. Плыви, силач! А я обнимаю тебя... По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе. И какое место, если с высотой гения соединить и высоту цели! Милый брат по Аполлону! Это тебе возможно! А с этим будешь недоступен и для всего, что будет шуметь вокруг тебя в жизни».

В. А. Жуковский

И часто я украдкой убегал...

В начале жизни школу помню я:
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смирная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

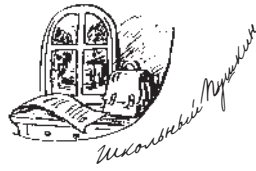
Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Её чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в её беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Её чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась её советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,
И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.
Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал...

А. С. Пушкин

Не измените своего предназначения, друг мой Пушкин...

«Нет в мире духовного зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания... Не измените своего предназначения, друг мой Пушкин, обратитесь с призывом к небу, и оно откликнется».

П. Я. Чаадаев

Перепутье — черта автобиографическая

Рассуждения В. С. Соловьёва о пушкинском «Пророке»:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился.

«На перепутье» — черта автобиографическая: на жизненном перепутье Пушкина в 1826 году, между прошлыми мечтами и надеждами будущего, явился многокрылый дух вечной свободной поэзии.

Перстами лёгкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы;
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон.

И внял я неба содроганье...

Новых чувств не даёт гений поэту; он только усиливает, возводит на высшую ступень прежние чувства, делает поэта духовно более зорким и более чутким.

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Метафор-фозы

Но что же такое вдруг случилось? Отчего этот Серафим, божественно-невозмутимый и женственно-нежный, с перстами лёгкими, как сон, вдруг, вместо божественной невозмутимости, начинает проявлять невозмутимость опытного хирурга, а женственную нежность заменяет свирепостью краснокожего индейца?

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый...

Откуда вдруг взялись эти категории порядка нравственного?

И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

Откуда это превращение перстов лёгких, как сон, в кровавую десницу? Входя в область нравственную, приступая к грешному, лукавому и празднословному языку самого избранника, истинная поэзия не может отнестись к нему иначе как отрицательно, она должна признать его подлежащим уничтожению:

У избранника одно средство — слово

И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык.

Настоящий центр жизни и существа человеческого, конечно, не в языке, а в сердце его, и оно ли останется нетронутым в процессе совершенствования? Задача — спалить зло. Для этого у избранника одно средство — слово. Но для того, чтобы слово правды, исходящее из жала мудрости, не язвило только, а жгло сердца людей, нужно, чтобы само это жало было разожжено сердечным огнём любви. А этот огонь не выходит из земли, и «пророк» не найдёт его в своём собственном сердце. Не потому, чтобы оно было по природе злое. Но оно плотское — трепетное: оно готово на всякое добро, но спалить зло собственными силами оно не может, — для этого нужен Божий огонь. И вот последнее, окончательное действие шестикрылого серафима —

И божий глас ко мне воззвал...

И он мне грудь рассёк мечом
И сердце трепетное вынул,
И угля, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.

Как всё суетное, не-божье в мире ещё прежде должно было стать для «пророка» пустынею, так теперь всё суетное, не-божье в нём становится трупом —

Как труп в пустыне я лежал...

Смертно-животворный процесс кончен. Избранник будет отныне говорить и действовать не от себя, не от своей немощи, а именем и силою посылающего его божества —

И божий глас ко мне воззвал:
Встань, пророк, и виждь, и внемли;
Исполнишь волею моею
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

В. С. Соловьёв

Миссия поэта-пророка

«Как только Пушкин написал «Пророка», он попал в очень трудное положение. Он сам не понял сначала, что он написал. Потом он постепенно понимал, какая ноша на него возложена и как он не соответствует возложенной на него миссии поэта-пророка, потому что жить он продолжал точно так, как и до написания «Пророка». В результате этого в конечном счёте появилось сначала стихотворение «Воспоминание», где говорится: «И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклиная, / И горько жалуюсь, и горько слёзы лью, / Но строк печальных не смываю...» Это стихотворение как изложение одной строки Пятидесятого псалма: «Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну». Автор с отвращением взирает на свои грехи подобно Давиду. Но вот последняя строка: «Но строк печальных не смываю». Обратите внимание: Давид, обращаясь к Богу, говорит: «Наиначе омьй мя от беззакония моего». А Пушкин говорит: «Строк печальных не смываю». Он сам берёт на себя — смыть или не смыть. Получается, что стихотворение «Воспоминание» — это покаяние искреннее, с полным сознанием своего греха, но без молитвы, без обращения к Богу, покаяние в никуда, в пустоту. Выходит, что, с одной стороны, Пушкин написал нечто вроде Давидова покаянного псалма, а с другой — «антипсалом». Человек сознаёт свою греховность, но помощи Божией не просит, от Бога отворачивается. Это — момент отчаяния, грань духовной катастрофы. И катастрофа совершается. Через неделю появляется «Дар напрасный, дар случайный», где выходит так, что Бог во всём виноват...»

В.С. Непомнящий

Жизнь, зачем ты мне дана?

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

А.С. Пушкин

Анти «Пророк»

«Это стихотворение, в сущности, есть пушкинский «Пророк», перевёрнутый с ног на голову. Если в «Пророке» было: «И Бога глас ко мне воззвал», то здесь: «Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал». Если там было: «Духовной жаждою томим», то здесь: «И томит меня тоскою однозвучный жизни шум». Если там было: «Встань, пророк... исполнись волею моею», если там — сердце, в которое вложен «уголь, пылающий огнём», то здесь: «Сердце пусто, празден ум». То есть если в «Воспоминании» возник как бы антипсалом, то здесь возник анти«Пророк». Это была духовная катастрофа, пережитая в течение нескольких дней».

В.С. Непомнящий

Жизнь от Господа дана

Митрополит Московский Филарет неожиданно откликнулся стихотворением:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Господа дана.
Не без цели Его тайной
На тоску осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из бездн земных воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, Забытый мною,
Просияй сквозь сумрак дум, —
И соиздается Тобою
Сердце чисто, светлый ум!

Однажды митрополит Филарет служил в Успенском соборе. Пушкин зашёл туда и, скрестив по обычаю руки, простоял всю длинную проповедь. После обедни возвращается домой.

- Где ты был так долго? — спрашивает жена.
- В Успенском.
- Кого там видел?
- Ах, оставь, — отвечает он и, положив голову на руки, зарыдал.
- Что с тобой? — встревожилась жена.
- Ничего, дай мне скорее бумаги и чернил.

И вот под влиянием проповеди митрополита Филарета Пушкин написал своё дивное стихотворение, за которое, наверное, многое ему простил Господь.

Я лил потоки слез нежданных...

СТАНСЫ

(Митрополиту Московскому Филарету)

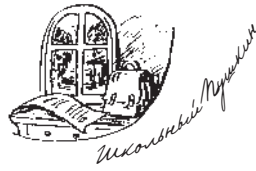
В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слёз нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

А.С. Пушкин

Ум вдруг опомнился, усмирился

«Всею своя пора и свой срок. Время изменило лихорадочный бред молодости. Всё ребяческое слетело прочь. Сердце заговорило с умом словами Небесного откровения, и послушный спасительному призыву ум вдруг опомнился, успокоился, усмирился; и когда я осмотрелся кругом, когда внимательнее, глубже вникнул в видимое, — я понял, что казавшееся доньше правдой было ложью, чтимое — заблуждением, а цели, которые я себе ставил, грозили преступлением, падением, позором! Я понял, что абсолютная свобода, не ограниченная никаким божеским законом, никакими общественными устоями, невозможна, а если бы была возможна, то была бы гибельна как для личности, так и для общества; что без законной власти, блюдущей общую жизнь народа, не было бы ни родины, ни государства, ни его политической мощи, ни исторической славы, ни развития; что в такой стране, как Россия, где разнородность государственных элементов, огромность пространства и темнота народной (да и дворянской) массы требуют мощного направляющего воздействия, — в такой стране власть должна быть объединяющей, гармонизирующей, воспитывающей и долго ещё должна оставаться диктаториальной или самодержавной, чтобы в ней видели всемогущество, полученное от Бога, чтобы в ней слышали глас самого Бога».

А.С. Пушкин

Диалог Николая Первого и Пушкина

«*Николай I.* Как, и ты враг твоего Государя, ты, которого Россия вырастила и покрыла славой, Пушкин, Пушкин, это нехорошо! Так быть не должно.

Что же ты не говоришь, ведь я жду.

Пушкин. Винават и жду наказания.

Николай I. Я не привык спешить с наказанием, если могу избежать этой крайности, бываю рад, но я требую сердечного полного подчинения моей воле и требую от тебя, чтоб ты не принуждал меня быть строгим, чтоб ты помог мне быть снисходительным и милостивым, ты не возразил на упрёк во вражде к твоему Государю, скажи же, почему ты враг ему?

Пушкин. Простите, Ваше Величество, что, не ответив сразу на Ваш вопрос, я дал Вам повод неверно обо мне думать. Я никогда не был врагом моего Государя, но был врагом абсолютной монархии.

Где все правят — никто не правит

Николай I. Мечтания итальянского карбонарства и немецких тугендбундов! Республиканские химеры всех гимназистов, лицейстов, недоваренных мыслителей из университетской аудитории. С виду они величавы и красивы, в существе своём жалки и вредны! Республика есть утопия, потому что она есть состояние переходное, ненормальное, в конечном счёте всегда ведущая к диктатуре, а через неё к абсолютной монархии. Не было в истории такой республики, которая в трудную минуту обошлась бы без самоуправства одного человека и которая избежала бы разгрома и гибели, когда в ней

не оказалось дельного руководителя. Силы страны в сосредоточенной власти, ибо где все правят — никто не правит; где всякий законодатель — там нет ни твёрдого закона, ни единства политических целей, ни внутреннего лада. Каково следствие всего этого? Анархия! (*Государь умолк, раза два прошёлся по кабинету, вдруг остановился.*) Что ж ты на это скажешь, поэт?

Пушкин. Ваше Величество, кроме республиканской формы правления, которой препятствуют огромность России и разнородность населения, существует ещё одна политическая форма — конституционная монархия.

Николай I. Она годится для государств, окончательно установившихся, а не для таких, которые находятся на пути развития и роста. Россия ещё не вышла из периода борьбы за существование, она ещё не добилась тех условий, при которых возможно развитие внутренней жизни и культуры. Она ещё не достигла своего предназначения, она ещё не оперлась на границы, необходимые для её величия. Она ещё не есть вполне установившаяся, монолитная, ибо элементы, из которых она состоит до сих пор, друг с другом не согласованы. Их сближает и спаивает только самодержавие, неограниченная, всемогущая воля монарха. Без этой воли не было бы ни развития, ни спайки и малейшее сотрясение разрушило бы всё строение государства. Неужели ты думаешь, что, будучи конституционным монархом, я мог бы сокрушить главу революционной гидры, которую вы сами, сыны России, вскормили на гибель ей? Неужели ты думаешь, что обаяние самодержавной власти, врученное мне Богом, мало содействовало удержанию в повиновении остатков гвардии и обузданию уличной черни, всегда готовой к бесчинству, грабежу и насилию? Она не посмела подняться против меня! Не посмела! Потому что самодержавный царь был для неё представителем Божеского могущества и наместником Бога на земле, потому что она знала, что я понимаю всю великую ответственность своего призвания и что я не человек без закала и воли, которого гнут бури и устрашают громы. Ты ещё не всё высказал, ты ещё не вполне очистил свою мысль от предрассудков и заблуждений, может быть, у тебя на сердце лежит что-нибудь такое, что его тревожит и мучит? Признайся смело, я хочу тебя выслушать и выслушаю.

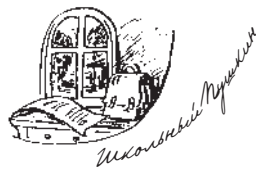
Пушкин. Ваше Величество, вы сокрушили главу революционной гидры, вы совершили великое дело, кто станет спорить? Однако... есть и другая гидра, чудовище страшное и губительное, с которым вы должны бороться, которое должны уничтожить, потому что иначе оно вас уничтожит!

Николай I. Выражайся яснее.

Россия стонет

Пушкин. Эта гидра, это чудовище — самоуправство административных властей, развращённость чиновничества и подкупность судов. Россия стонет в тисках этой гидры поборов, насилия и грабежа, которая до сих пор издевается даже над высшей властью. На всём пространстве государства нет такого места, куда бы это чудовище не посягнуло, нет сословия, которого оно не коснулось бы. Общественная безопасность ничем у нас не обеспечена, справедливость в руках самоуправств!

Что ж удивительного, Ваше Величество, если нашлись люди, чтоб свергнуть такое положение вещей? Что ж удивительного, если они, возмущённые зрелищем униженного и страдающего Отечества, подняли знамя сопротивления, разожгли огонь мятежа, чтоб уничтожить то, что есть, и построить то, что должно быть: вместо притеснения — свободу, вместо насилия — безопасность, вместо продажности — нравственность, вместо произвола — покровительство законов, стоящих надо всеми и равных для всех. Вы, Ваше Величество, можете осудить развитие этой мысли, незаконность средств к её осуществлению, излишнюю дерзость предпринятого, но не можете не признать в ней порыва благородного. Вы могли и имели право покарать виновных, в патриотическом

безумии хотевших повалить трон Романовых, но я уверен, что даже карая их, в глубине души вы не отказали им ни в сочувствии, ни в уважении. Я уверен, что если Государь карал, то человек прощал!

Николай I. Смелы твои слова. Значит, ты одобряешь мятеж, оправдываешь заговорщиков против государства? Покушение на жизнь монарха?

Пушкин. О нет, Ваше Величество, я оправдываю только цель замысла, а не средства. Ваше Величество умеете проникать в души, соблаговолите проникнуть в мою и вы убедитесь, что всё в ней чисто и ясно. В такой душе злой порыв не гнездится, а преступление не скрывается!

Николай I. Хочу верить, что так, и верю, у тебя нет недостатка ни в благородных побуждениях, ни в чувствах, но тебе недостаёт рассудительности, опытности, основательности. Видя зло, ты возмущаешься, содрогаешься и легкомысленно обвиняешь власть за то, что она сразу не уничтожила это зло и на его развалинах не поспешила воздвигнуть здание всеобщего блага. Знай, что критика легка и что искусство трудно: для глубокой реформы, которую Россия требует, мало одной воли монарха, как бы он ни был твёрд и силён. Ему нужно содействие людей и времени. Нужно соединение всех высших духовных сил государства в одной великой передовой идее; нужно соединение всех усилий и рвений в одном похвальном стремлении к поднятию самоуправления в народе и чувства чести в обществе. Пусть все благонамеренные, способные люди объединятся вокруг меня, пусть в меня уверуют, пусть самоотверженно и мирно идут туда, куда я поведу их, и гидра будет побеждена! Гангрена, разъедающая Россию, исчезнет! Ибо только в общих усилиях — победа, в согласии благородных сердец — спасение. Что же до тебя, Пушкин, ты свободен. Я забываю прошлое, даже уже забыл. Не вижу пред собой государственного преступника, вижу лишь человека с сердцем и талантом, вижу певца народной славы, на котором лежит высокое призвание — воспламенить души вечными добродетелями и ради великих подвигов! Теперь... можешь идти! Где бы ты ни поселился, — ибо выбор зависит от тебя, — помни, что я сказал и как с тобой поступил, служи Родине мыслью, словом и пером. Пиши для современников и для потомства, пиши со всей полнотой вдохновения и совершенной свободой, ибо цензором твоим буду я».

«*Бенкендорф Николаю I.* Пушкин в Москве и всюду говорит о Вашем Величестве с благодарностью и величайшей преданностью.

Через несколько месяцев Бенкендорф. После свидания со мною Пушкин в Английском клубе с восторгом говорил о В.В. и побудил лиц, обедавших с ним, пить за В.В. *Октябрь 1827 года, фон Кок, чиновник III отделения.* Поэт Пушкин ведёт себя отменно хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя».

Я прежде вольность проповедал,
Царей с народом звал на суд.
Но только царских щей отведал
И стал придворный лизоблюд.

А.Ф. Воейков

Я смело чувства выразил...

ДРУЗЬЯМ

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:

Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нём кипит,
Но не жесток в нём дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнании жизнь моя;
Влачил я с мильями разлуку,
Но он мне царственную руку
Простёр — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою;
И я ль, в сердечном умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

А. С. Пушкин

Пушкин поддавался внутреннему преобразованию

«Пушкин любил обращать в обществе рассуждения на высокие вопросы, религиозные и общественные, о существовании коих соотечественники его, казалось, и понятия не имели. Очевидно, поддавался он внутреннему преобразованию».

А. Мицкевич

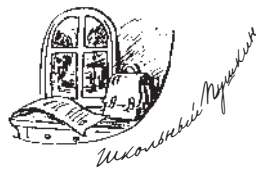
Как Пушкин созрел!

Пушкин. Золото есть дар сатаны людям, потому что любовь к золоту была источником большего количества преступлений, чем всякая другая страсть. Маммон был самый низкий и презренный из демонов, сатана искушает человека из ненависти к нему, ибо последний свободнее павшего Денницы, укоренившегося во зле.

Идея Божества прирождена нам

А. Тургенев. Я вижу, что у тебя самые правоверные воззрения насчёт лукавого.
Пушкин. А кто же тебе сказал, что я не правоверный? Я верю Библии во всё, что касается сатаны; в стихах о падшем духе, прекрасном и коварном, заключается великая философская истина. Безобразие никого не искусило, и нас оно не очаровывает. Идея Божества прирождена нам. Особым таинственным внутренним инстинктом мы познаём иную потустороннюю действительность. И эта действительность столь же

реальна, как всё, что мы можем трогать, видеть и испытывать. В народе есть врождённый инстинкт этой действительности, то есть религиозное чувство, которое народ даже и не анализирует.

В. Жуковский. Как Пушкин созрел, и как развилось его религиозное чувство! Он несравненно более верующий, чем я!

А. Смирнова. Я думаю, что Пушкин серьёзно верующий, но он про это мало говорит. Глинка рассказал мне, что он застал его однажды с Евангелием в руках, причём Пушкин сказал ему: «Вот Единственная книга в мире: в ней всё есть».

Барант сообщает Смирновой после одного философского разговора с Пушкиным. «Я и не подозревал, что у него такой религиозный ум, что он так много размышлял над Евангелием». По словам князя Вяземского, поэт находил неистощимое наслаждение в Евангелии, «имел сильное религиозное чувство, был проникнут красотой многих молитв (особенно любил покаянную великопостную, которую и переложил стихами), знал их наизусть и часто твердил их».

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволенья:
Порой опять гармонией уныюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснёт любовь улыбкою прощальной.

А. С. Пушкин

«Обманчивая надежда. Она-то и ускорила его закат печальный, хотя и блеснула на него улыбкою прощальной. Он уже сознательно трудился над переработкою в себе внутреннего нравственного строя: но сознавал, что трудился не особенно успешно, по той именно причине, что много грехов тяготело над его душою и грех тянул его на старую стезю к гибели».

Архимандрит Никанор

Исполнились мои желанья

МАДОННА

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.
В простом углу моём, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,

Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный Спаситель —
Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.
Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

А. С. Пушкин

Я полюбил её...

«Когда я увидел её в первый раз, красоту её едва начинали замечать в свете. Я полюбил её, голова у меня закружилась, я сделал предложение... Чтобы угодить ей, я согласен принести в жертву свои вкусы, всё, чем я увлекался в жизни, моё вольное, полное случайностей существование».

А. С. Пушкин

«Сватовство принесло его гордости целый ряд унижений. Супружество, для него уже в поздние годы, при растраченных сокровищах сердца, с цветущей, пока ещё не распустившейся юностью, принесло ему много житейского труда, забот и усталость нравственную и физическую. В то же время на этот роскошный распускающийся цвет, окружённый обаятельной и соблазнительною, настоящею, особенно же прошедшею славою мужа, налетел целый рой шмелей, пробавляющихся чужим мёдом, производя несносное для уха и сердца мужа жужжание. Им оставалось только указывать на прошлое супруга, который нарушил столько супружеских союзов, да нашёптывать нежные стихи, которых он же оставил свету больше, чем всякий другой поэт, на собственную погибель».

Из книги «А. С. Пушкин: путь к Православию»

Диалог

Пушкин. Что вы думаете о моём положении? Скажите откровенно!

Врач. Не могу скрыть от вас — вы в опасности.

Пушкин. Скажите лучше — умираю?

Врач. Считаю долгом не скрывать от вас и того.

Пушкин. Благодарю вас, вы поступили, как честный человек.

Арендт. Еду к Государю, не прикажете ли что сказать ему?

Пушкин. Скажите, что умираю, и прошу у него прощения за себя и за моего секунданта.

Врач. Не желаете ли вы исповедаться и причаститься?

Пушкин. Охотно.

Врач. За кем прикажете послать?

Пушкин. Возьмите первого ближайшего священника.

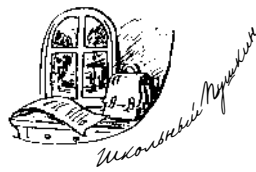
Николай I (Арендту). Повелеваю тебе немедленно ехать к умирающему, прочитать ему письмо, собственноручно мною к нему написанное, и тотчас обо всём донести. Я не лягу, я буду ждать. Письмо же возвратить.

Пушкин (раскрыв письмо). Если Бог не велит нам более увидеться, посылаю тебе моё прощение и вместе мой совет: исполнить долг христианский. О жене и детях не беспокойся: я беру их на своё попечение.

Пушкин (вместо ответа поцеловал письмо и долго не выпускал из рук). Отдайте мне это письмо, я хочу умереть с ним.

Арендт. Я испрошу на то позволения у Государя.

Врач. Прибыл и священник, именно отец Пётр, что в Коношенной».

*И вот о чём крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит*

ИСПОВЕДЬ

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И горько повторял, метаясь, как больной:
«Что делать буду я? Что станет со мной?»

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! —
Сказал я, — ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идёт! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречён;
Он в угли и золу вдруг будет обращён,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? О горе, горе!»

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроеным почли.

Пошёл я вновь бродить — уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Духовный труженик — влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор — и спросил меня,
О чём, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осуждён на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чём крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».
«Коль жребий твой таков, —
Он возразил, — и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждёшь? Зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда ж бежать? Какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь», —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.

Я вижу некий свет

«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал: — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» И я бежать пустился в тот же миг.

Побег мой произвёл в семье моей тревогу,
И дети, и жена кричали мне с порогу,

Чтоб воротился я скорее. Крики их
 На площадь привлекли приятелей моих;
 Один бранил меня, другой моей супруге
 Советы подавал, иной жалел о друге,
 Кто поносил меня, кто на смех подымал,
 Кто силой воротить соседям предлагал;
 Иные уж за мной гнались; но я тем боле
 Спешил перебежать городское поле,
 Дабы скорей узреть — оставя те места,
 Спасенья верный путь и тесные врата.

А. С. Пушкин

Мне жаль умереть...

«*Отец Пётр (выходит от Пушкина)*. Я стар, мне уже недолго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что для себя самого желаю такого конца, какой он имел».

«*Жуковский*. Может быть, увижу Государя; что мне сказать ему от тебя?»

Пушкин. Скажи, что мне жаль умереть; был бы весь его. Скажи Государю, что я желаю ему долгого-долгого царствования, что я желаю ему счастья в его сыне, что я желаю ему счастья в его России.

Данзас. Не поручишь ли ты чего-нибудь, в случае смерти, касательно Дантеса?

Пушкин. Требую, чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином».

Глубокая, удивительная мысль

«Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видел ничего подобно тому, что было на нём в эту первую минуту смерти. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо. Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нём развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое удовлетворённое знание. В эту минуту, можно сказать, я видел самую смерть, божественно тайную, смерть без покрывала. Никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нём и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда всё земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина».

В. А. Жуковский

Высо́ко над семье́ю гор,
 Казбек, твой царственный шатёр
 Сияет вечными лучами.
 Твой монастырь за облаками,
 Как в небе реюющий ковчег,
 Парит, чуть видный, над горами.
 Далёкий, возделенный брег!
 Туда б, сказав «прости» ущелью,
 Подняться к вольной вышине!
 Туда б, в заоблачную келью,
 В соседство Бога скрыться мне!..

А. С. Пушкин